

1893

Владимир Маяковский

1963

Наири ЗАРЬЯН

ПОЭТ ПОБЕДЫ И ПОБЕДА ПОЭЗИИ

Сергей 63

Рис. худ. С. Арутунов.

«Моя революция» — так характеризовал В. В. Маяковский свое отношение к Великому Октябрю.

Революция в лице Маяковского являлась для него не просто делом, а делом жизни. Он не примкнул к революции, не стал ее «попутчиком», как утверждали некоторые недальновидные критики, он родился вместе с революцией, как ее органическая стихия, как ее проявление в поэзии. Революция для Маяковского была делом личным, близким и родным.

Маяковский не вмешивается в политику, прежде всего гражданин, а потом поэт. Он был поэтом и гражданином одновременно. Его гражданственность служила источником его поэзии, его поэзия была воплощением его гражданственности.

Литературные бюрократы тех времен представляли его творчество в кривом зеркале, его хлеб воспринимали как камень, развешивали его, называя «попутчиком» пролетарской литературы. Маяковский не оставался в долгу у своих противников.

— Если я попутчик, — восклицал он громовым голосом, — то лю-

бопытно видеть, кто шагает со мною рядом.

Было в прошлом много литературных новаторов. Любимый великий художник — в конечном счете новатор. Но новаторство Маяковского отличалось своим универсальным характером и принципиальной остротой. Это объясняется тем, что в основе его новаторства лежит рождение нового мира. Маяковский открыл новую поэтическую землю. Его творчество, это, как говорил А. В. Луначарский, Октябрьская революция, литая из бронзы.

Маяковский был эпохальным новатором своими дерзкими разрывами с традицией, бурным потоком эмоций, мощной величавой интонацией, сочными ослепительными метафорами, богатой, резкой ритмикой, своими точными, звонкими, метрическими аллитерациями, мужественным умением утверждать хорошее и бичевать дурное, несравненным искусством декламации своих стихов, своим поэтическим остроумием, всей своей жизнью и творчеством.

Маяковский рассматривал поэзию, в частности, свою поэзию, как источник радости и счастья для

людей. Эта его идея лежит краеугольным камнем в основе нашей эстетики. Поэзия должна быть жизнеутверждающей силой общества. Она должна вселять в сердца людей радость жизни, веру в будущее, помогать людям жить и бороться. Эту жизнеутверждающую силу поэзия выражает Маяковский во всем своем творчестве, в частности, в замечательном стихотворении «О советском паспорте»:

«Читайте,
завидуйте,
я гражданин
Советского Союза».

Одновременно в том же стихотворении Маяковский восклицает: «Я волюм как выгроз бюрократизму». Его поэзия была чужда духу бюрократической лакейщины. Он не испытывал нужды лицемерить перед собственной революцией. Наоборот, именно пламенная любовь к молодой Советской Республике диктовала ему непримиримую ненависть ко всему тому, что могло тормозить ее исторический прогресс: к бюрократизму, рутине, к очковитариству, взяточничеству,

к воровству, хулиганству, к халатности. С искренней ненавистью бичует он, в частности, литературную халтуру. В гениальном сатирическом стихотворении «Четырехэтажная халтура» Маяковский высмеивает издательство, выпускающее серые бездарные книги, разбрасывает критиков, восхваляющих такие книги, критикует авторов неопытных произведений, не щадя также остального читателя — Фому, который, пожирая всякую ерунду, готовит плодотворную почву для халтуры.

Маяковский острым взглядом великого художника подметил и осудил вредность чрезмерного увлечения собраниями в стихотворении «Прозаседавшиеся», которое сейчас же удостоилось высокой оценки Ленина.

Многозначительны с точки зрения разрешения морально-этических проблем нашего искусства те отношения, которые существовали между Лениным и Маяковским, между величайшим вождем революции и ее великим поэтом. Известно, что Ленин, высоко оценивая поэзию Маяковского с точки зрения морально-политической, с некоторым сомнением воспринимал ее форму. В известной беседе со студентами художественного техникума Ленин говорил еще раз прочитать произведения Маяковского и еще о них поспорить.

Это нисколько не умаляло восхищения великого поэта великим во-

ждем революции. Не случайно Маяковский написал лучшую поэму о Ленине, и поэма «В. И. Ленин» стала шедевром творчества Маяковского.

Трудно определить высочайшую точку в творчестве Маяковского. Вся его поэзия — подлинный шедевр. Не объем определяет великий вес его произведений. В стихотворениях «Левый марш», «Советский паспорт», «Во весь голос» содержится такая же идейно-эмоциональная сила, как и в объемных поэмах «Облако в штанах», «Хорошо», «В. И. Ленин». Во всех этих произведениях Маяковский стоит перед глазами поколений как гигант, как поэт революции. Сам Маяковский лучше других понимал новаторское значение и бессмертие своего дела.

«Мой стих трудом громаду лет прорвет,
И явится весомо, грубо, зримо.
Как в наши дни вошел водопровод,
Сработанный еще рабами Рима»...

Слова Маяковского давно перешагнули пределы Советского Союза и сверкают во всем мире немеркнущим светом. Трудно переоценить властное творческое влияние Маяковского на советскую и всемирную поэзию. Своими сакральными шагами он шагает впереди всех поэтов мира, «как живой с живыми говоря».

Всегда с нами

Я всегда с гордостью ношу свой паспорт. Любим к советскому паспорту научил меня Маяковский. Он научил меня гордиться Родиной, свой народ. С Маяковским связана моя юность. Работая на заводе имени Кирова, вечерами учился, овладевал техническими знаниями. Всегда у меня на столе лежал томик Маяковского. Великий поэт помогал мне учиться.

Сейчас работаю инженером-электриком. Принимаю участие в строительстве новых цехов завода. Если я теперь великолепно знаю, «что такое хорошо и что такое плохо», то этим я обязан Маяковскому. Великий поэт и сейчас рядом с нами. В первых рядах. На стройках. У станка. Он разговаривает с нами, «как живой с живыми». Все это томов его партийных книжек вливается в труд нашего народа, строящего коммунизм.

П. ГЕВОНДЯН,
инженер-электрик Ереванского завода имени Кирова.

ДАНЬ ЛЮБВИ И УВАЖЕНИЯ

Армянский народ, полный чувства глубокого уважения и любви, хранит память о великом советском поэте Владимире Маяковском. Его имя носит село в Абовянском районе, школа и улица в столице республики.

70-летие со дня рождения Маяковского широко отмечают в городах и селах Армении. Знаменательной датой является богатая иллюстрированная выставка в Государственной библиотеке имени А. Мясникова. На столах многочисленных произведений поэта на русском, армянском и других языках народов СССР, библиографическая литература о нем. Интерес представляют фотоснимки, газетно-журнальные иллюстрации, отображающие отдельные периоды жизни и деятельности Владимира Маяковского.

Выставки и стенды оборудованы также в районных домах культуры, рабочих и сельских клубах. На предприятиях, в учреждениях, колхозах, на новостройках проходят лекции и беседы, посвященные жизни и творчеству Владимира Маяковского.

Маяковский — это совесть нового человека и поэзии. Все в нем ново. И содержание, и форма — потому что ново в нем и мировоззрение, и побуждения, и стремления, и импульсы к эмоциям.

И уже в произведениях 1925 года, написанных во время заграничного путешествия, Чаренц создает свои классические произведения художественной публицистики: «Стамбул», «Стена коммунара в Париже», «Встреча в Венеции», создает свою знаменитую «Ленинскую», цикл произведений, в которых решается проблема героя нашего времени.

Ленинская тематика раскрывает перед поэзией Чаренца новые просторы. В его творчестве возникает не только образ Ленина, деятеля и человека, но и реальный характер эпохи, характер революции. «Ленинская» Чаренца по праву может быть поставлена рядом с «Ленинской» Маяковского. Поражает в них обилие текстовых совпадений. Говорит о влиянии не только на Чаренца, но и на реального героя нашей революции, на ее вояду, и сердца и мысли их творили в унисон.

Революция и ее поэтический титан — Маяковский были, если использовать современные параллели, той ракетой-ускорителем, которая вознесла поэзию Чаренца на одну из самых высоких орбит советской поэзии.

Л. АРУТЮНОВ.

Маяковский и Чаренц

противопоставляем пролетарский интернационализм.

На смену «блудным сумеркам» настали наступил баг — рассвет, и божья труба божьего класса пробудила нас от «снов забытых».

Мы требуем:

1. Вывести поэзию из комнат на улицы, к массам, и из книг — к живому слову.

2. Выразить то, что современное — движение, классовую борьбу, железо и красное».

Заканчивалась декларация так: «Долой литературные аристократические школы, кабинетные писатели, дремлющие в библиотеках книги и салонных дам!»

Да здравствует живое художественное слово созидателей масс!

Да здравствует пролетарская революция!

Основной смысл декларации — отрицание камерного, национального, ограниченного искусства. И здесь Чаренц ориентировался прежде всего на Маяковского.

Таким образом, овладение современностью означало создание новой гражданской лирики, объединение гражданской и лирической поэзии. Но этот синтез был возможен в процессе развития и выявления всех сторон общественного бытия личности. Некоторые поэты, в том числе и Чаренц, вначале не совсем отчетливо представляли себе роль лиризма в гражданской поэзии — сфера личных эмоций казалась несовместимой с ней. Против лирики поэтом была введена в бой «антилирика» футуризма.

В 1920—1922 гг. Чаренц создает «Всепомою» и «Чаренц-нам», в которых с наибольшей отчетли-

востью проявились черты нового в его поэзии, позволяющие соотносить ее с эстетическими тенденциями поэзии Маяковского.

То, что сблизил здесь Маяковский и Чаренца, — это сам метод поэзии и отображения мира, расширение сферы человеческого в человеке, раскрытие органического взаимодействия личности и истории, ощущение классового братства людей в единстве революционной воли. Именно это новое отношение к миру и человеку, расширение сфер поэтических стремлений, партийности искусства рождает подчас аналогичные решения общих проблем. И даже там, где влияние Маяковского очевидно, оно воспринимается как творческое усвоение эстетического опыта. И кажется главным образом разоблачение страшного мира прошлого, но уже не в интимно-личном, а в широком социальном плане, — разоблачение мировой бойни и эксплуататорской сущности буржуазного общества. В этом смысле «Всепомою» использует и традиции «Войны и мира», и традиции «150.000.000» Маяковского, трансформирует их на почве национальной истории и национальной практики.

«Всепомою» отображает судьбу народа в революции. Лирическая поэма «Чаренц-нам» — судьба личности. Судьба героя выходит за рамки интимного мира, становится судьбой поколения. В этом смысле «Чаренц-нам» предвосхищает «Хорошо» Маяковского, является первым опытом лирической эпикей.

Чаренц выступил во «Всепомою» смелым новатором, близким Маяковскому. Выделение слова, его логического и смыслового звучания, акцентация ритма, широкая ассоциативность, гиперболизм сравнений — все это было новым словом в армянской поэзии.

Следуя Маяковскому, Чаренц безгранично расширял границы поэзии, он приобщил ее к непосредственной борьбе народа за новый миропорядок. Этот новый поэтический мир создан в процессе овладения опытом Маяковского.

Вол сложность создания новой поэзии о современности заключалась в переходе к новому реалистическому методу изображения действительности. В этом смысле большое значение представляют сатирические произведения Чаренца. Он, как и Маяковский, создает галерею портретов врагов революции — «Лики владык». Эта школа дала ему возможность написать значительное реалистическое произведение — пьесу «Кавказ-Тамаша».

В качестве эпиграфа ей предпослано «небольшое примечание» из «150.000.000» Маяковского. Чаренц дает сатирическое обозрение истории Занавязыва в период господства националистических режи-

мов. «Кавказ-Тамаша» весьма напоминает «Мистерию — Буфф» Маяковского. Вполне возможно, что Чаренц видел ее в постановке Мейерхольда в Москве. И все-таки она представляет глубоко самостоятельное явление в его творчестве.

И уже в произведениях 1925 года, написанных во время заграничного путешествия, Чаренц создает свои классические произведения художественной публицистики: «Стамбул», «Стена коммунара в Париже», «Встреча в Венеции», создает свою знаменитую «Ленинскую», цикл произведений, в которых решается проблема героя нашего времени.

Ленинская тематика раскрывает перед поэзией Чаренца новые просторы. В его творчестве возникает не только образ Ленина, деятеля и человека, но и реальный характер эпохи, характер революции. «Ленинская» Чаренца по праву может быть поставлена рядом с «Ленинской» Маяковского. Поражает в них обилие текстовых совпадений. Говорит о влиянии не только на Чаренца, но и на реального героя нашей революции, на ее вояду, и сердца и мысли их творили в унисон.

Революция и ее поэтический титан — Маяковский были, если использовать современные параллели, той ракетой-ускорителем, которая вознесла поэзию Чаренца на одну из самых высоких орбит советской поэзии.

Л. АРУТЮНОВ.

В АРМЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

По-разному и в разной степени обнаруживается близость и созвучие Маяковскому тех или иных художников. Наивно и примитивно сводить родство поэтов к прямым заимствованиям и тематическим совпадениям. Но поэт, стоявший в эпоху в развитии художественного мышления человечества в великую историческую эру, не мог не повлиять на художников истинных, созвучных своему времени. Многим обязаны Маяковскому и современные поэты многонациональной советской поэзии и в их числе — армянские поэты.

Интерес армянских поэтов и переводчиков к поэзии В. Маяковского восходит к первым послевоенным годам. Известный нам первый перевод из Маяковского — стихотворение «К ответу» (обозначенный литерой «С») был напечатан в газете «Хорурдун Агастан» 10 августа 1922 года.

В 1930 году в связи с трагической гибелью Маяковского в журнале «Нор утун» была напечатана подборка переводов, выполненных Чаренцем, а также перевод автобиографии «Я сам» (без подписи; случение с опубликованным впоследствии в «Избранном» переводом А. Курбанина, дает основание предполагать, что первый журнальный текст принадлежал тому же автору).

Помимо Чаренца большую роль в пропаганде творчества Маяковского в предвоенные годы сыграли поэты и переводчики старшего поколения — Н. Зарян, Г. Абов, М. Армен, А. Курбания, Р. Ачян и другие.

Первая книга избранных стихотворений и поэм В. Маяковского на

армянском языке была напечатана перед войной, в 1940 году. В 1942 году, во время Великой Отечественной войны, вышел составленный Г. Абовым сборник «Необычайное приключение...».

В 1950 году был издан двухтомник поэмы В. Маяковского, который был напечатан в издании, составленном и отредактированном Р. Григоряном, одним из активных пропагандистов и популяризаторов Маяковского в Армении. В 1959 году отдельным изданием, под редакцией Х. Рачия, вышли поэмы «В. И. Ленин» и «Хорошо».

Несколько новых переводов были сделаны для антологий советской русской поэзии, вышедшей в начале этого года. В настоящее время к семидесятилетию поэта Айгустар подготовил новое издание (редактор А. Луссунц).

Число армянских поэтов, работающих в качестве переводчиков Маяковского, превышает два десятка. Создаются все новые и новые переводы. Отдельные стихо-

творения имеются в нескольких (от четырех до семи) переводах. Наиболее «популярно» таким произведением, как «Левый марш», «Необычайное приключение...», поэма «В. И. Ленин».

Над новым переводом поэмы «В. И. Ленин» работает большой мастер и хороший знаток Маяковского писатель Мартин Армен.

Переводит Маяковского на армянский язык трудно. Однако и среди армянских литераторов, работающих над переводами Маяковского, следует заметить, что многие из сделанных ими свидетельствуют о квалифицированном подходе к своей задаче.

Известно, что ритм, по характеристике Маяковского, «основная энергия стиха», — и должен быть всегда в центре внимания переводчиков Маяковского. Поэтому совершенно оправдано упорство тех переводчиков, которые не мирятся с безформенностью, ритмичностью, возможными «заманчивыми».

Нам кажется, что до-
вольно удачно избегает этих опасностей Х. Рачия, некоторые переводы которого близко воспроизводят ритмы Маяковского.

Какую-то простоту, ясность, «не нарочитость» формы зрелого Маяковского по существу является высшим искусством и превосходит раннюю творчество поэта. Однако при всей четкости и ясности «ведущей мелодии», основной тональности, редкое стихотворение Маяковского, не говоря уже о поэмах, — однолинейное, посвящено одной теме. Композиционные принципы поэта родственны приемам музыкального творчества.

Большое место у Маяковского занимают так называемые «зорные поэмы». Не всегда явные, органически включенные в контекст, они каждый раз требуют от переводчика вдумчивой расшифровки и бережного восстановления на армянском языке. Большая трудность для переводчиков связана также с обилием в текстах

Маяковский — Д. ДЕМИРЧЯН

сота не может быть, без разуме, поэзия Маяковского — это пророческий разум, это широкий разум, придающий его слову особую силу. Силу глубокой жизненной правды.

Заметит, что Маяковский сатира которого вообще разрушительна, Маяковский, который бичует, бьет, — не желанный мизантроп и не печальный песимист. Маяковский бодр, весел, оптимистичен и глубоко гуманен. Он обрушивается на врагов социализма, как гром. Он жает, бичует, но не унижает. Он исправляет, побуждает к новой жизни.

У Маяковского все злободневные явления принимают черты какой-то вечности. Надо сказать, что Маяковский — один из тех редких поэтов, которые видят Вселенную также в ее мелких явлениях, предметах.

Преходящее все, что злободневно, но, во вся вечность состоит из злободневностей — и вот Маяковский смотрит на вещи, как великий синтетик, с другой стороны, как великий аналитик. Вот от чего его «мелочи» долговечно нас. Он хорошо умел вложить «характер» в предметы и явления и в каждой мелочи находил характерность. Качество большого поэта.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Маяковский — сын эпохи. Он отражал свою эпоху, он шел с нами. Тот, кто шагает со своей эпохой, принадлежит всем временам.

Я слушал его

С Маяковским-учеником я встречался в 1904—1905 годах. Тогда я учился в Тифлисе, а школьные канюльки проводил в Хресли (Батумская Грузия) у родителей. В это же время бывал в Кутаисе, в частности, в семье начальника станции Манюкова.

У него жили два его племянника, ученики Кутаисской гимназии. Часто здесь собирались товарищи по гимназии, среди них был и Володя Маяковский. Конечно, тогда нам и в голову не приходило, что этот, не по возрасту высокий, шаловливый школьник, станет великим поэтом революции.

Наступили студенческие годы. Я жил в Москве. Стали появляться первые произведения Маяковского.

Прошли годы. В 1929 году я отдыхал в Египте. В летнем помещении клуба был вечер, посвященный творчеству Владимира Маяковского. С этим произведением поэта выступил один из ведущих артистов Российской Федерации. Читал хорошо. В это время в зал вошел высокий, стройный человек. Я сразу узнал Маяковского.

Прослушав чтение ряда своих

произведений, Владимир Владимирович, встал и попросил слов. Отметив, что декламировавший его произведения артист читал хорошо, но не совсем правильно, он попросил разрешения декламировать несколько стихов.

И вдруг слушатели словно прозрели. Каждое прочитанное произведение стало звучать по-другому, по-новому, ясно. Только тогда заполнившие помещение слушатели узнали, что перед ними сам Маяковский. Его вдохновенные слова доходили до глубины сердца слушателей. Ведь Маяковский был не только крупным поэтом советской эпохи, но и талантливым артистом, чуждом декламаторства своим произведениям. Те же слова, те же произведения благодаря присутствию только ему, Маяковскому, пунктирными и интонациями, зазвучали иначе. В его передаче поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо» захватили всех. Это была моя последняя встреча с Маяковским. Она никогда не наглядится из моей памяти. Уверен, что и у всех слушавших живого Маяковского, он остался о нем самые светлые воспоминания.

Гр. ШИРМАЗАН.

ПО ТЕАТРАМ МИРА

Триумфальное шествие драматургии Владимира Маяковского по театрам мира началось семь-восемь лет назад. Сатирические произведения «Блуд» и «Клоп» с успехом прозвучали в театрах Румынии, Болгарии и Польши. Впервые «Блуд» на родном языке немцы услышали в Берлинском театре в 1959 году.

Особый интерес к драматургии Маяковского проявляют молодые театры. Университетский театр в Венеции «Ка Фоскари», по отзывам местной печати, неполоманным успехом сыграл «Клоп» (режиссер Пола). Тысячи английских школьников, в том числе и молодого театра «Русская», режиссер Майкл Сумер, по мнению английских критиков, поставил острейший, яркий спектакль. Труппа университетского союза культуры и искусства Швейцарии представила женевцам возможность увидеть «Блуд». Небезинтересен факт постановки и в Любляне — актеры Парижского университета.

Притягательная сила драматургии Маяковского в

том, что она исполнена гнева и жгучей ненависти к ядам буржуазного общества. Она активно участвует в борьбе за общечеловеческий прогресс. Борьба против приспешников всех мастей, против победоносных разрывов продолжается. Она закончилась и продолжится, за это люди земли скажут спасибо и великому писателю Советской страны Владимиру Владимировичу Маяковскому.

Зрители мирового театра будут еще не раз аплодировать словам философской женщины из пьесы «Блуд»: «Будущее примет всех, у кого найдется хотя бы одна черта, роднящая с коллективом коммуны, — радость работать, жажда жертвовать, неутомимость, изобретательность. Держитесь массой, крепче, ближе друг к другу. Летящее время сносит и сметает балласт, отягченный хламом, балласт опустошенного несердца».

А. РОМАНОВ.

А. СИМОНОВА.